

*Посвящаю эту книгу памяти моих родителей Луиса
и Флоры Даймонд, а также будущему моей жены Мари Коэн
и моих сыновей Макса и Джошуа Даймондов*

Содержание

Пролог	7
Часть первая. ИНДИВИДЫ	33
Глава 1. Индивидуальные кризисы	35
Часть вторая. ГОСУДАРСТВА: КРИЗИСЫ	
В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ	67
Глава 2. Война Финляндии с Советским Союзом.	69
Глава 3. Происхождение современной Японии.	118
Глава 4. Чили для всех чилийцев	161
Глава 5. Индонезия: возвышение новой страны.	203
Глава 6. Воссоздание Германии	243
Глава 7. Австралия: кто мы?	286
Часть третья. НАЦИИ И МИР: КРИЗИСЫ	
ПРОДОЛЖАЮТСЯ	329
Глава 8. Что ждет Японию?	331
Глава 9. Что ждет Соединенные Штаты Америки?	
Преимущества и важнейшая проблема	368
Глава 10. Что ждет Соединенные Штаты Америки?	
Три «другие» проблемы	405
Глава 11. Что ждет мир?	436
Эпилог. Уроки, вопросы и перспективы	481
Благодарности	527
Примечания	529

Пролог

Наследие «Коконат-гроув»

Две истории. — Что такое кризис? — Личные и государственные кризисы. — О чем эта книга и о чем в ней не говорится. — План изложения

Минимум однажды, а обычно несколько раз на протяжении жизни большинство людей переживает персональное испытание или кризис, с которым удастся (или не удастся) успешно справиться, тем или иным образом изменив себя. Точно так же государства переживают общенациональные кризисы, которые завершаются различными — позитивными или негативными — исходами и подразумевают общенациональные изменения. Существует огромный массив исследовательской и неофициальной (досужей, если угодно) информации от настоящих и мнимых специалистов по преодолению персональных кризисов. Могут ли эти сведения подсказать нам, как справиться с кризисами на государственном уровне?

Чтобы проиллюстрировать свое понимание личных и общенациональных кризисов, я начну эту книгу с двух историй из своей собственной жизни. Говорят, что самые первые воспоминания усваиваются ребенком приблизительно в четырехлетнем возрасте, хотя дети также могут порой смутно помнить и о более ранних событиях. В моем случае все именно так, поскольку мое наиболее раннее воспоминание связано с пожаром в бостонском клубе «Коконат-гроув», который произошел

сразу после моего пятого дня рождения. Хотя (к счастью) сам я при пожаре не присутствовал, мне довелось узнать обо всем из вторых рук — через страшные рассказы моего отца-врача.

Двадцать восьмого ноября 1942 года пожар вспыхнул и быстро распространился в переполненном ночном клубе Бостона под названием «Коконат-гроув» (по настоянию владельца на вывеске было написано «Cocoanut»*), единственный выход из которого оказался заблокированным. Погибло в общей сложности 492 человека, сотни пострадали от увечий, удушья, дыма и ожогов (см. источник 0.1). Врачи в бостонских больницах трудились не покладая рук — им приходилось не только заботиться о раненых и умирающих жертвах пожара, но и оказывать психологическую помощь родственникам жертв, обезумевшим от осознания того, что мужа, жены, дети, братья или сестры погибли жутким образом, а еще опекать выживших в огне, которых изводило чувство вины: ведь они уцелели, а сотни других людей погибли. До 20 часов 15 минут того дня их жизнь была совершенно обычной, они помышляли разве что о праздновании Дня благодарения, скорых выходящих, футболе и увольнительных (время было военное, просто так часть не покинешь). К 23:00 большинство жертв скончалось, жизнь их родственников и уцелевших очутилась, так сказать, в кризисе. Их ожидаемые и предполагаемые жизненные пути были опровергнуты реальностью. Они испытывали стыд оттого, что остались живы, а дорогие им люди умерли. Родственники потеряли в этом пожаре тех, кто являлся важным звеном их личной вселенной. Не только для выживших в огне, но и для тех бостонцев, кого пожар не затронул непосредственно (включая пятилетнего меня), это событие стало потрясением основ и разрушило нашу веру в справедливость мира. Пострадавшие вовсе не были дурными или злыми людьми.

* Прав. «Cocoanut» (кокос — *англ.*). Но владелец, видимо, хотел подчеркнуть, что назвал свое заведение не в честь кокосовой рощи, а в честь деревьев какао (сосоа). — *Здесь и далее примеч. пер.*

ми: нет, это были обычные люди, которые погибли вовсе не по собственной вине.

Некоторые из выживших и родственников жертв так и не сумели преодолеть последствия пожара. Несколько человек скончались с собой. Но большинство, после весьма болезненных первых недель, на протяжении которых их разум не желал мириться с потерей, стало постепенно осваиваться со скорбью, переоценивать свою жизнь, восстанавливать прерванное течение последней — и понимать, что далеко не все в привычном мире уничтожено. Многие из тех, кто лишился супруга или супруги, позднее заключили повторный брак. Впрочем, даже при лучшем раскладе они и десятилетия спустя продолжали помнить о пожаре в ночном клубе, а в мозаике новых идентичностей постоянно проявлялись старые личности, существовавшие до пожара. На протяжении всей книги нам часто будет выпадать возможность применить этот образ мозаики к отдельным людям, народам и государствам, в которых наблюдается сосуществование разнородных элементов.

Пожар в клубе «Коконат-гроув» представляет собой экстремальный пример личного кризиса. Однако экстремален он только в том отношении, что страшное испытание постигло большое количество жертв одновременно — на самом деле жертв было столько, что пожар заодно спровоцировал кризис в психотерапии, потребовавший использования новых методов взаимодействия с пострадавшими (подробнее см. в главе 1). Многим из нас доводится сталкиваться с личными трагедиями напрямую или опосредованно, через опыт родственников или друзей. Но трагедии, которые затрагивают лишь одну жертву, для самой жертвы и для ее окружения столь же мучительны, как пожар в «Коконат-гроув» для окружения 492 жертв.

Теперь для сравнения приведу пример общенационального кризиса. В конце 1950-х и начале 1960-х годов я жил в Великобритании, и страна переживала «ползучий» общенациональный кризис, пускай ни я сам, ни мои британские друзья тогда

этого толком не осознавали. Великобритания являлась мировым лидером в науке, обладала богатейшей культурной историей и по праву гордилась своей уникальностью, а также непрестанно вспоминала, что недавно у нее были крупнейший в мире военный флот, неоспоримое богатство и самая обширная империя в человеческой истории. К сожалению, к 1950-м годам страна уже кровоточила, так сказать, экономически, мало-помалу теряла свою империю и могущество, утрачивала прежнюю роль в Европе и вынуждена была разрешать давние классовые противоречия и справляться с волнами иммиграции. Ситуация резко обострилась в промежутке между 1956-м и 1961 годом, когда Великобритания утилизировала все свои оставшиеся линкоры, столкнулась с первыми беспорядками на расовой почве, когда ей пришлось по необходимости предоставлять независимость бывшим африканским колониям и когда все увидели, что Суэцкий кризис* обнажил ее унижительную неспособность действовать самостоятельно в качестве великой державы. Мои британские друзья изо всех сил пытались осознать происходящие перемены и объяснить их смысл американскому гостю, то есть мне. Эти события стимулировали споры среди британских политиков и британской общественности о британской идентичности и роли страны в мире.

Сегодня, шестьдесят лет спустя, Великобритания представляет собой мозаику нового и старого. Она лишилась своей империи, стала мультиэтническим обществом, превратилась в государство всеобщего благосостояния, где безусловно качественное правительство проводит политику постепенной ликвидации классовых различий через совместное обучение детей в государственных школах. Она не сумела восстановить былое морское и экономическое господство над миром, обще-

* Международный конфликт 1956–1957 гг., случившийся после национализации Египтом Суэцкого канала. В ходе вооруженного конфликта Великобритания выступила против Египта заодно с Францией и Израилем.

ство остается разобщенным относительно роли страны в Европе (примером чему служит конфликт вокруг «Брексита»). При этом Великобритания по-прежнему входит в число шести богатейших стран мира, по-прежнему является парламентской демократией под номинальной властью монарха, по-прежнему заслуженно считается мировым лидером в науке и технологиях — и все еще сохраняет собственную валюту, фунт стерлингов, отказываясь переходить на евро.

Эти две истории иллюстрируют главную тему моей книги. Кризисы и стремление к переменам сталкивают между собой отдельных людей и коллективы на всех уровнях, от одиночек до групповых интересов и далее — в бизнесе, в международной политике и в масштабах всего мира. Кризисы могут возникать вследствие внешнего давления, например, когда человека бросает муж или жена или когда он овдовевает, или когда государство находится под угрозой нападения со стороны другого государства (а то и подвергается агрессии). Также кризисы могут возникать из-за внутреннего давления, когда, к примеру, человек заболевает, а в государстве начинаются гражданские беспорядки. Успешное преодоление внешнего или внутреннего давления требует внесения выборочных изменений. Это верно как для государств, так и для отдельных людей.

Ключевое слово здесь — «выборочных». Невозможно и нежелательно, будь то для индивидов или для государств, меняться целиком и полностью, радикально отвергать свою прежнюю идентичность. В кризис задача индивида и государства состоит в том, чтобы выяснить, какие элементы их идентичности функционируют хорошо и не нуждаются в корректировке, а какие больше не работают и нуждаются в замене. Индивиды и государства, находящиеся под давлением, должны беспристрастно и непредвзято оценивать свои возможности и ценности. Они должны решить, что продолжает работать, что остается уместным даже в изменившихся обстоятельствах и потому подлежит сохранению. Но следует набраться мужества и признать необ-

ходимость тех изменений, которые потребны для адаптации к новой ситуации. Это побуждает индивидов и государства к поиску новых решений, отвечающих их возможностям и совокупности их черт. В то же время нужно, так сказать, провести черту и выделить те элементы, которые столь важны для идентичности, что их нельзя изменять ни в коем случае.

Вот одна из параллелей между людьми и государствами применительно к кризисам. Но имеются также принципиальные различия, на которые мы должны указать.

* * *

Как мы определяем «кризис»? Удобной отправной точкой будет филология: английское слово «кризис» (crisis) происходит от греческого существительного «krisis» и глагола «krino», обладающих рядом связанных значений: «разделять», «решать», «проводить различие» и «обнаруживать поворотный момент». Следовательно, можно воспринимать кризис как некий момент истины: как точку отсчета, для которой условия «до» и «после» различаются гораздо сильнее, чем «до» и «после» «большинства» других ситуаций. Я сознательно ставлю кавычки, поскольку чрезвычайно трудно понять, насколько кратковременным является такое состояние, в какой степени должны измениться условия «после», насколько реже по сравнению с большинством других ситуаций эта «поворотная точка» должна характеризоваться как «кризис», а не просто как очередное малозначимое событие или звено постепенного и естественного эволюционирования.

Поворотный пункт — это олицетворение вызова. Возникает давление, стимулирующее к разработке новых способов справиться с вызовом, ибо прежние способы его преодоления оказались неадекватными для решения проблемы. Если индивид или государство разрабатывают новые, лучшие методы преодоления, тогда мы говорим, что кризис успешно преодолен. Но мы увидим в главе 1, что различие между успехом и провалом

в преодолении кризиса зачастую трудно уловить — ведь успех может быть лишь частичным или кратковременным, следовательно, та же проблема вполне способна проявиться снова. (Опять возьмем в пример Великобританию, которая «переоценила» свою мировую роль, вступив в Европейские союз в 1973 году, а в 2017-м проголосовала за то, чтобы покинуть ЕС.)

Давайте проиллюстрируем эту практическую проблему, давайте попробуем определить, насколько кратким, насколько серьезным и насколько редким должен быть поворотный пункт, чтобы мы обоснованно могли трактовать его как кризис. Сколь часто в рамках обычной человеческой жизни — или за тысячелетия региональной истории — будет обоснованным употребление термина «кризис» для характеристики происходящего? На эти вопросы есть множество ответов, и многие из них оказываются полезными для различных целей.

Один «экстремальный» ответ ограничивает употребление термина «кризис» длинными промежутками времени и редкими, поистине драматическими событиями, то есть такими, какие случаются, например, всего несколько раз в жизни индивида и происходят лишь раз в несколько столетий в истории государств. Приведем один пример. Историк Древнего Рима может использовать слово «кризис» только применительно к трем событиям после учреждения Римской республики около 509 года до нашей эры. Это первые две войны против Карфагена (264–241 и 218–201 гг. до н.э.), замена республиканского правления империей (около 23 г. до н.э.) и вторжение варваров, обернувшееся падением Западной Римской империи (около 476 г. н.э.) Конечно, такой римский историк не будет рассматривать все прочие события древнеримской истории с 509 года до нашей эры по 476 год нашей эры как тривиальные; он всего-навсего резервирует термин «кризис» для этих трех исключительных событий.

С другой стороны, мой коллега из UCLA* Дэвид Ригби и его соавторы Пьер-Александр Баллан и Рон Бошма опубли-

* Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

ковали великолепное исследование «технологических кризисов» в американских городах; они определяют кризис как период устойчивого спада в количестве патентных заявок, причем слово «устойчивый» здесь подтверждается цифрами, так сказать, математически. Согласно этому определению, в исследовании доказывалось, что любой американский город переживает технологический кризис в среднем примерно каждые 12 лет, что в среднем такой кризис длится около четырех лет и что средний американский город пребывает в состоянии технологического кризиса около трех лет в каждом десятилетии. Исследователи обнаружили, что такое определение кризиса является плодотворным для ответа на сугубо практический вопрос: что позволяет отдельным, но далеко не всем американским городам избегать технологических кризисов, подпадающих под данное определение? Впрочем, наш римский историк попросту отмахнулся бы от событий, которые изучали Ригби с соавторами, как от недостойных внимания мелочей, а сам Ригби и его соавторы сказали бы, что римский историк пренебрегает всем богатством 985-летней истории Древнего Рима ради трех отдельных событий.

Я хочу сказать, что слово «кризис» можно толковать по-разному, в зависимости от частоты и длительности событий и масштаба их воздействия. Можно с пользой изучать редкие крупные кризисы — и частые малые кризисы. В данной книге шкала времени, которую принимает автор, колеблется от нескольких десятилетий до столетия. Все страны, о которых я рассказываю и которые обсуждаю, пережили при моей жизни то, что я считаю «крупным кризисом». Это не значит, что всем им не доводилось сталкиваться с менее значимыми, но более частыми вызовами.

При личных кризисах, равно как и при общенациональных, мы нередко фокусируемся на каком-то конкретном «моменте истины», скажем, на том дне, когда жена сообщает мужу, что намерена подать на развод, или (случай из истории Чили) на 11 сентября 1973 года, когда чилийские военные свергли демо-

кратическое правительство страны, а законно избранный президент совершил самоубийство*. Порой кризисы действительно возникают неожиданно, без предвестников — например, цунами на Суматре 26 декабря 2004 года, которое пришло внезапно и унесло жизни 200 000 человек, или смерть моего двоюродного брата в расцвете лет, когда его автомобиль был смят поездом на железнодорожном переезде, вследствие чего его жена осталась вдовой, а четверо детей — сиротами. Но большинство индивидуальных и общенациональных кризисов представляют собой кульминацию эволюционных изменений, осуществлявшихся на протяжении многих лет. Так, развод становится итогом длительных трудностей семейной жизни, а в случае Чили для катастрофы имелись политические и экономические предпосылки. «Кризис» есть внезапное осознание или внезапное воздействие того давления, которое накапливалось в течение продолжительного времени. Это прямо подтвердил премьер-министр Австралии Гоф Уитлам, который (как мы увидим в главе 7) разработал экстренную программу безусловно серьезных перемен всего за девятнадцать дней в декабре 1972 года, но который преуменьшал собственные достижения, характеризуя реформы как «признание того, что уже произошло».

* * *

Нации и государства — это не просто объединения множества людей; они отличаются от индивидов во многих очевидных отношениях. Почему же, тем не менее, полезно отталкиваться от индивидуального опыта при рассмотрении и изучении общенациональных кризисов? Каковы преимущества такого подхода?

Первое преимущество, о котором я часто упоминаю при обсуждении общенациональных кризисов с друзьями и учени-

* Долгое время рассматривалась версия, по которой С. Альенде был убит мятежниками, но эксгумация его останков в 2011 г. подтвердила самоубийство.